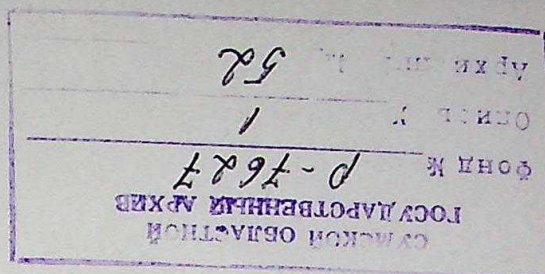

Хайтеева Евразия Ивановна
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович

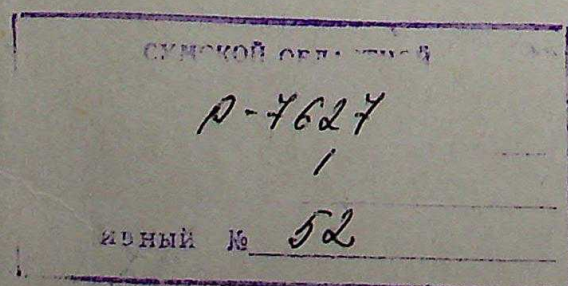
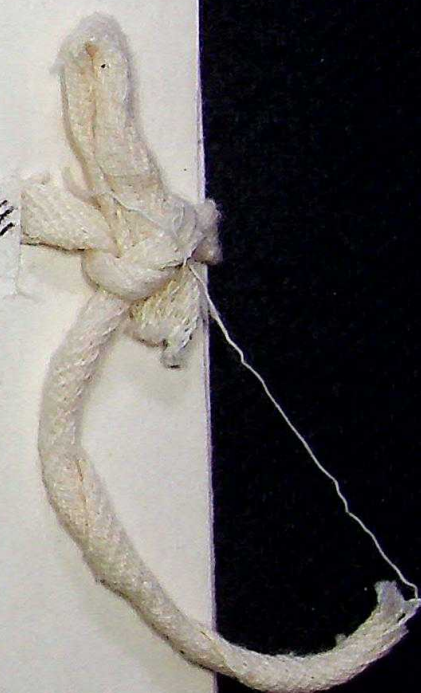
საქართველო

ПАПКА

ДЛЯ

БУМАГ

[„Народное творчество“, „Художник“, „Избранник“, Рассказы, стихи. Машинопись с авторской правкой. Мелочный эскизлер.]

8/9
На 11 е.
1901-02

7
в кузницу. Там Змеиха, схваченная за язык горячими клещами, смиряется под ударами кузнечных молотов. Не смиряется ли она и перед нашими глазами на фабриках и заводах наших дней, где так крепко работают топоры-саморубы и молоты-самобой.

(Так) сбываются сказки народа.

Уже наступает пора и для скатертей-самобранок, развернутых без различия для всех. Уже крепко держим мы в руках своих золотую, сверкающую Жар-птицу, мечту народников, и скоро живая вода нового социального порядка окропит нас всех и воскресит для новой красивой жизни, в царстве Ненаглядной Красоты, о которой мы так долго и так напрасно мечтали. Еще вспомните Бахметева с его опытами анабиоза, вспомните русского философа Федорова, которым зачитывались Толстой и Вл. Соловьев, Федорова с его мечтой о воскрешении мертвых, научно обоснованной, и вы почувствуете - какие необъятные горизонты наметил для развития человечества русский народ в своем инстинкте и отразил это в сказках, - еще не сбывшихся сказках о мертвой и живой воде. Недаром современная философия приходит к заключению, что разум только осознает данные инстинкта, а инстинкт побуждает разум творить и побеждать. Инстинкт русского народа, сказавшийся в творчестве его, поразителен и всеобъемлющ.

...В сказках народа - душа его...

Душа мечтателя, художника-поэта.

В сказках его художественно отобразился и преломился весь мир, вся вселенная, - вся природа живет и дышит в них. Это - поэма инстинкта, поэма великого народа с детской чистой душой, верящей в торжество всего прекрасного, в конечную победу Правды на земле. На этих сказках должны воспитываться наши молодые поколения. Пушкин говорит в одном из своих писем: - "вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостаток своего воспитания... что за прелесть эти сказки, - каждая есть поэма". И он, и Жуковский, находили сказки лучшим воспитательным средством. От сказки веет поэтической чистотой и искренностью. Она, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды: она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злом.

Вера в Правду - ее основа.

Правда, - Правда народная, Правда мечтателей и поэтов, - все победит и перестроит мир по новому. Вот один из многих вариантов сказки о споре Кривды с Правдой.

✓ получит в награду весь мир

Сказка о Кривде и Правде.

8
"Однажды спорила Кривда с Правдою: чем лучше жить - кривдой или правдой. Кривда говорила: лучше жить кривдой, а Правда утверждала: лучше жить правдой. Спорили-спорили, никто не переспорит. Говорит Кривда:

- Пойдем к судье, как он решит: коли по твоему, я плачу тебе тысячу рублей, а коли по моему, ты мне должна оба глаза отдать.

- Хорошо, пойдем.

Пришли они к судье, стали спрашивать:

- Чем лучше жить?

Судья сказал:

- В наше время лучше жить Кривдою, - Кривда в сапогах ходит, а Правда в лаптях.

- Подавай-ка свои глаза, - говорит Кривда Правде.

Выколола у ней глаза и ушла куда знала.

Осталась Правда безглазая, пала лицом наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла в траве. В самую полночь собралась туда неверная сила. Набольшой стал спрашивать: кто и что сделал. Кто говорит: я душу загубил; кто говорит: я того-то на грех смутил. А Кривда в свой черед похваляется:

- Я у Правды тысячу рублей выспорила да глаза за выколола.

- Что глаза, - говорит набольшой, - стоит потереть тутошней травкою - глаза опять будут.

Правда лежит да слушает.

Вдруг крикнули петухи и неверная сила разом пропала. Правда нарвала травки и давай тереть глаза. Потерла один, потерла другой и стала видеть попрежнему. Захватила с собой этой травки и пошла в путь-дорогу. В это время у одного царя ослепла дочь. И сделал он клич: кто вылечит царевну, за того отдаст ее замуж. Правда приложила ей к очам травку, потерла и вылечила. Царь женил Правду на своей дочери, а потом ей и все царство в наследство досталось "...

---xxx0xxx---

На наших глазах сбывается эта сказка.

Побеждена стародавняя Кривда исцелившейся от слепоты своей народной Правдой, - и получила Правда в наследство себе все необъятное царство... 7

9
От времен стародавних дошли к нам сказания, бы-
лины и сказки, - от тех времен, когда творчество наро-
дное росло и крепло на просторах земли нашей. Всю-
ду, по дорогам, ватагами, по селам и деревням, по база-
рам и ярмаркам, ходили тогда народные поэты, певцы,
музыканты, артисты, - эти знаменитые скоморохи давних
дней, гусяры, бахари, домрачей, гусельники, от которых
остались на Руси только украинские кобзари. Эти ско-
морохи были хранителями сокровищ народного творчес-
тва, проводниками его в массах, а большей частью и
сами являлись творцами, безымянными и скромными по
этами, вдохновлявшимися настроениями масс. Увеселяя
и развлекая народ, они отражали в то-же время все
переживания народной души, закрепляли их в своих
творениях, и потому часто являлись среди народа эле-
ментом протестующим и революционным. Они распевали
песни о том, как -

При царе Давиде Евсеивиче,
При старце Макарии Захаровиче,
Было беззаконство великое....

Как видите и тогда были свои Распутины.

И скоморохи высмеивали их.

Беззаконство высмеивали скоморохи и в зародка-
вшихся тогда народных сценических представлениях.
Дошла к нам от тех времен (такая) сценка, очень попу-
лярная в XVII столетии.

Скоморошья сценка.

На сцену выходит боярин (в каррикатуре), на голо-
ве у него высокая шапка из дубовой коры, сам он на-
дутый, чванливый, с оттопыренной губой. К нему подхо-
дят челобитчики и несут дары-посулы в лукошках - ку-
чи щебня, песку, сверток из лопуха. Челобитчики земно
кланяются, просят правды и милости. Но боярин ругает
их и гонит прочь.

- Ой, боярин, ой, воевода... любо было тебе над
нами издеваться, веди-же нас теперь сам на расправу
над самим собой, - говорят челобитчики.

И начинают тужить боярина, грозят его утопить.
Затем являются двое лохмотников и принимают го-
нять толстяка прутьями, приговаривая:

- Добрые люди, посмотрите, как холопы из гос-
под жир вытряхивают.

Потом на сцену появляется купец.

Добрые молодцы лохмотники отбирают у него день-
ги и отправляются как-бы во царев кабак.

10
Пьют и поют:

Ребятунки, праздник, праздник.
У батюшки праздник, праздник.
На матушке-Волге праздник.
Сходися, голытьба, на праздник.
Готовтесь, бояре, на праздник.

Представление заключалось обращением к толпе:

- Эх вы, купцы богатые, бояре тароватые... ставте меды сладкие, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчатые, принимайте гостей голых, босых, оборванных, голы кабацкую, чернь мужицкую, неумытую.

---хххОххх---

Подобные представления, разжигавшие ненависть народа к притеснявшим его боярам, несомненно способствовали смутам и народным движениям, о которых знает наша история.

Один шаг...

И (перед нами) Стенька Разин, герой и кумир былин и исторических песен близкого к нам исторического периода. О нем остался целый цикл исторических песен, многие места на Волге названы его именем, и до последнего времени, до дней революции во многих местах России ходили легенды о том, что Стенька Разин жив и скоро придет. Сохранились и песни разинцев.

...Так мы видим, что в стародавние дни в народном творчестве отражались революционные настроения народа, его протест против нараставшего угнетения и мечта о воле. Впоследствии, под бурей гонений на народное творчество, революционные настроения уже не находили себе выражения, - или памятники их не дошли до нас, - и в единственном роде народного искусства, с трудом добредшего до наших дней, - в народной русской песне, - мы не находим (и следа) этих настроений. Еще в допетровскую эпоху пришли для народного творчества черные дни. Уже давно со стороны властей церковных, епископов, митрополитов, и всякого рода ревнителей благочестия, - шла травля народных певцов и поэтов - скоморохов. Церковь вообще сыграла недобрую роль в убийстве народного искусства. Ей на помощь вскоре пришли и государство. При царе Алексее Михайловиче, в XVII веке, травля эта достигла наивысшей точки. Вот что говорилось в одном из указов: - "сходятся мужесково и женскова полу многие люди в бесовское сонмище, бесовское действо играют... и сказки сказывают небыльные, и празднословие с смехотворе

11
нием и кощунянием...и накладывают на себя личины
и платье скоморошеское, и отцов духовных не слуша
ют. Тех людей бить батогами, ссылат в украинные го
рода за опалу. А где объявятся домры, и сурны, и гуд
ки, и гусли, - изломав те, велеть жечь". В результате
таких указов - в Москве, например, по свидетельству
Олеария, однажды отобрали все музыкальные инструмен
ты, на пяти возах вывезли за Москву-реку и - сожгли.
Так расправлялись и со скоморохами. Наказание без
пощады, битые кнутом, битые батогами, иногда даже вы
резывание языка, ссылка в Вологодскую, в Архангельс
кую губернию, в дикие края, в болота, в глушь, - вот ка
кие казни сыпались на народных певцов и поэтов ско
морохов. Чем могли они бороться? Только песнями сво
ими. Мы говорим об искусстве: "святое искусство". Так
же относились к искусству и скоморохи. И в то время
как церковь и государство называли их "бесовскими
слугами", они в противовес этому, в процессе борьбы,
составляли песни-сказы, в которых скоморохи выводи
лись как святые. От времен гонений к нам дошла од
на такая песня, - привожу ее вкратце:

Погудка о царе Собаке.

У честной вдовы да у Ненилы
А у ей было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушко свою орати,
Ишла белую пшеницу засевати:
Родну матушку свою хоче кормити.
А пришли скоморохи к Вавилушко на ниву.
- "Уж ты здравствуешь, чадо Вавило,
Тибей даи Бог нивушко орати,
Ишла белую пшеницу засевати.
Родну матушку тибей кормити.
- "Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди скоморохи.
Вы куды пошли да по дороги?
- "Мы пошли на иныице царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишла сына его да Перегуду,
Ишла зятя его да Пересвета,
Ишла дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить.
Говорило то чадо Вавило:
- "Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазен".
Говорил Кузьма да со Демьяном:

12

- "Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатый во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит.

У того у чада у Вавила
А было в руках-то поногальцо,
А и стало тут ведь погудальце.
Ишла были в руках у его да тут ведь вожжи,--
Ишла стали шолковые струнки.
Ишло то чадо да тут Вавило
Видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-те, святые.
Он походит с има да скоморошить.
Он повел их да ведь домой-жа.
Ишла тут чесна вдова да тут Ненила
Ишла стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-те ржаные,
А и стали хлебы-те пшениные.
Понесла она куру-то варену,
Ишла кура тут да ведь взлетела,
На печьней столб села да запела.
Ишла та вдова да тут Ненила
Ишла видит люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые,
И спускает Вавила скоморошить.

А идут скоморохи по дороги.
А на стречю им иде мужык горшками торговати.
-"Тобе бог поможь да те крестьянин,
А-й тебе горшками торговати.
-"Вам спасибо. люди все елме,
Веселые люди, скоморохи.
Вы куды пошли да по дороги.
-"Мы пошли на ииньшое царьство
Переигрывать царя Собаку,
Ишла сына его да Перегуду,
Ишла зятя его да Пересвета,
Ишла дочь его да Перекрасу.

Говорил да тот да ведь крестьянин:

-"У того царя да у Собаки
А окол двора да тын залезной,
А на каждой тут да на тычинки
По человечей-то сидит головки,
А на трех то ведь да на тычинках
Нет человечих-то да тут головок,--
Тут и вашим то быть головкам.
-"Уж ты ой еси да ты крестьянин.
Ты не мог добра да нам ведь сдумать,
Ишла лиха ты бы нам не сказывал.

13

4

Зайгри, Вавило, во гудочик,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит.
Зайграл Вавило во гудочик,
А во зончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
Полетели курошцы с ребами,
Полетели пеструхи с чюхарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Они стали по оглоблям-то садиться.
Он их стал ведь тут да бити
И во свой ведь воз да класти.
А наклал он их да ведь возочик.
А поехал мужик да во городочик,
Становился он да во редочик,
Развезал да он да свой возочик.
Полетели курошцы с ребами,
Полетели пеструхи с чюхарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел ведь во своем то он возочьку,
Ишше тут у его одны да черепочьки.
-"Ои, я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-ти, светные,-
Ишша я ведь им да не молился.

А идут скоморохи по дороги.
А идут на инишьное царьство.
Зайграл да тут да царь Собака,
Зайграл Собака во гудочик,
А во зончатой во переладец,-
Ишша стала вода да прибывати,
Он хоче водой их потопити.
-"Зайграй, Вавило, во гудочик,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит.
Зайграл Вавило во гудочик
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
И пошли быки-те тут стадами
А стадами тут да табунами.
Ишша стали воду да ушивати,
Ишша стала вода да убывати.
...Загорелось инишьное царьство
И сгорело с краю и до краю...
(Посадили тут Вавилушка на царьство).

---xxx0xxx---

Так злое чародейское искусство царя Собаки не устояло перед чарами святого искусства святых людей — веселых людей скоморохов. Ну и конечно: видеть у власти поэта, мечтателя, своего близкого — крестьянина, пролетария, — эта давнишняя пророческая мечта народа сказалась и в погудке. Расправившись с царем Собакой, погудка кончается так:

"Посадили тут Вавилушка на царство".

Но не спасли погудки скоморохов.

Не устояла песня перед кнутом, — церковь и государство сделали свое злое дело.

...И перевелись на Руси скоморохи...

Перевелись певцы былин и сказаний, сказатели сказок, музыканты и артисты. Былины, сказки, сказания почти уже сохранились только в книгах и сборниках собирателей старины. Редко посчастливится какому-ни будь собирателю найти в глухих российских дебрях, где-нибудь на северных окраинах затерявшийся осколок старых времен, старика или старуху, еще помнящих древния сказанья. Озаровская, например, нашла недавно в архангельской губернии старую нищенку, собиравшую корки хлеба под окнами деревенских хат. И эта нищенка оказалась настоящей артисткой. Ее память хранила, по преданию от дедов и отцов, былины-старинны и древние скоморошьи погудки... В нищете влачит свои дни древнее народное искусство, как бы из подполья доносится к нам временами его слабевший голос. Умер этот род искусства, не вынес долгих лет преследований, умер в тяжкие годы убивавшего дух народный рабского крепостного существования и централизованной полиции. А между тем скоморохи, по заключению исследователей русской старины, были не только древнейшими в России представителями народного эпоса и народной сцены, они были и единственными представителями светской музыки: вся первая многовековая эпоха истории русской светской музыки до середины XVII века может быть названа эпохой скоморохов. Каков был характер и стиль музыки их, их мелодии, можно делать лишь одни предположения, так как письменных памятников они не оставили, да и оставить не могли: нотных знаков они не знали и песен своих не записывали.

Так остановлена была в своем развитии русская народная музыка.

Так убит был народный театр.

Убито народное сценическое творчество.

У Впав в
забвение

15 Погибло также народное зодчество, убитое византийчиной, и умерла народная живопись во времена после-петровские, когда утвердилось иноземное влияние и национальное наше искусство вытеснялось иноземным. Светской народной живописи не было на Руси. Безвестные мастера, живописцы из народа, оставили нам от древних времен только иконы да стенные росписи в храмах. Но искусство, сказавшееся в этих росписях, говорит о великих задатках и возможностях, ибо искусство это ставится местами вровень с итальянским, а иногда и выше итальянского. Васнецов и Нестеров воспитались на этих росписях.

Русская живопись выросла из них.

Наша письменная русская литература, первая в мире литература, точно также родилась и выросла из устной народной литературы, - и потому литература эта вся построена на мечте, на тоске о лучшем будущем, о лучшем человеке, о лучшем социальном устройстве, на скорбе о страдающем, угнетенном народе. Музыка русская - также первая в мире, ибо она взяла основу свою в груди великого народа, народа поэта и певца, из песни его она выросла, что бы покорить весь мир своим очарованием. Мусоргский, Даргомыжский, Бородин, Римский-Корсаков, Чайковский, - все они оттого так и прославлены на весь мир, что полными пригоршнями брали из золотой сокровищницы народного творчества, подхватывали мотивы и настроения народной песни и на основе ее строили свой чарующий мир волшебных звуков.

Что-же за очарование скрыто в этой песне?
В чем оно?

У.

В русской песне звучит душа народа.

Народа - поэта.

Народа - певца.

Народа - страдальца.

Песня - это единственный род народного творчества, из глубины тяжких времен гонений добредший до наших дней. Эта песня - редкая жемчужина в русском народном искусстве. По мнению профессора Вестфала, - русская народная песня по своему богатству должна занимать первое место между песнями всех народов земного шара. Необыкновенно интересная по форме, необыкновенно разнообразна она и по своему содержанию. Еще Гоголь когда-то говорил: - "почему слышится и не молчно раздаётся в ушах тоскливая, несущаяся по всей

16
длине и ширине своей, от моря до моря песня. Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает и хватается за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? И правда, - в ней, в этой песне, есть все: и яркое жгучее страдание и могучая, вечно несчастная любовь, и безудержное веселье, и спокойно-торжественная смерть. Место кое торжество векового государственного зла, долгие страдания в цепях крепостного рабства, застывшие мучительные формы социального неравенства, опутавшие мужчину, угнетавшие женщину, вечная тюремная решетка для души, жаждающей просторов земли, вечная неудовлетворенность инстинктивно рвущейся к развитию и расцвету личности, - все это нашло отражение в народной песне. И потому она прекрасна, как цветок страдания, полна тоски, рвущей сердце, подернута дымкой печали даже тогда, когда наполняет мир звуками разгула. Вы же я сказал, что нет, или не сохранилось, у народа песен революционного настроения и содержания. Но тоска, но печаль этих песен, уносящая на просторы, говорит о душе молодой, еще не жившей по настоящему, томимой в угнетении, рвущейся на волю, протестующей то буйным, пьяным, разгульным весельем, то насмешкой над формами социального рабства.

Охх... с горя ноженьки не ходють,
Глазки на свет не глядятъ, -
поет где-нибудь в захолустной деревушке оборванный бедняк, как будто веселясь от выпитой не в меру водки.

Но в этом весельи - вся наша революция.
Или вот обращение к ветру:

Ветер, ветер, что ты плачешь,
Что рыдаешь... ветер, ветер.
Али жаль тебе леса вырубленные.
Али жаль тебе нивы выжженные.
Реки высушенные.

Аль по нашему безлюдью ты все плачешься
О бездольной земле ты жалкуешься...

Даже колыбельные песни напоены этой нашей русской народной тоской, тоской души, склонившейся под гнетом, но вечно рвущейся из него...

...Сейчас вы услышите эти песни...

Это песни великого народа, сумевшего звуками души бороться с убивающим эту душу угнетением, через тоску и скорбь пришедшего к новым берегам обетованной земли - мечты своей. Научитесь-же любить эту песню, эту русскую нашу песню, этот последний осколок былого творчества народного, храните его, культивируйте

Разказ.

...Сегодня я читал вам о том, как под бурей го-
 нений погибало на Руси народное искусство, - и между
 прочим живопись, которая была и по необходимости до-
 лжна была быть церковной, что не мешало ей таить в
 себе великие возможности. Сейчас я прочту один из
 серии своих рассказов - о том, при каких условиях
 появлялись и как погибали на Руси народные талан-
 ты...

В глухом уездном городишке, затерявшемся в по-
 лудиких степях праздновалось событие: десятилетний
 юбилей священника одной из местных церквей, о. Яко-
 ва. После торжественного молебствия ему поднесли
 икону Христа, а затем он пригласил всех присутству-
 ющих на торжестве к себе на дом откусать хлеба-со-
 ли. Среди присутствующих, кроме церковного старосты,
 находился еще пожилой, сидящий земский доктор, мол-
 чаливый и сторонящийся всех человек. Его и затащи-
 ли почти силой к священнику какой-то безпокойный
 знакомый, чрезвычайно любивший всякие торжества. Од-
 нако молчаливый доктор, когда все уселись за чай в
 светлой зале поповского дома, неожиданно оживился
 и потянулся через стол к священнику.

- Меня чрезвычайно интересует, батюшка, - заго-
 ворил он, - кто писал поднесенную вам икону. Я никого
 не знаю в наших палестинах, кто бы мог так написать.
 Надо вам сказать: я сам когда-то живописью увлекал-
 ся, понимаю немного... Тут дарование видно, истинное
 искусство. Такой суровый лик... такой пронзающий
 взгляд... нездешний... мистический взгляд. Такие ли-
 ки вы найдете только в старинных наших росписях, -
 но тут что-то и еще есть, какая-то скорбь, мировая,
 вселенская скорбь. Это уже не идея росписей, это
 глубже и выше. Только большой художник мог так напи-
 сать, а не обыкновенный иконописец. Простите, что я
 допытываюсь: вероятно, это в губернии заказывали?

Все заинтересовались словами доктора, перетя-
 нулись и посмотрели на церковного старосту.

Тот посмеиваясь сказал:

- Вот, батюшка, десять лет ты у нас прожил, а
 чудо-то просмотрел.

- Какое чудо?

заглохнут задвигает

его, не давайте умереть, ибо умирает и русская песня на Руси, — да, умирает: ее вытесняет развязная крикливая частушка да пошлые цыганские романсы.

А ведь она богатство наше!

Наша слава.

Наша красота.

17
Это вечевой звук из града-Китежа искусства народного, из града-Китежа, от которого мы должны идти дальше в своем национальном развитии, сомкнув края исторического прорыва. Наши народные поэты-пролетарии, назревающие народные творцы, отбросив формы буржуазного творчества, должны идти учиться в Китеж-град старорусскому народному искусству, что бы от него начать новую великую эпоху народно-творчества.

... Два с половиной века народное творчество было в загоне, преследовалось, уничтожалось, вытрапливалось всякими мерами и влияниями, и как-будто постепенно забивалось. Но забвение это кажущееся. Как светлая полноводная река оно ушло в подземную глущину и таится в душах детей народа, рвущихся к развитию и расцвету.

Теперь вновь пришло его время.

Поднимается из глубины святого озера, в громе и молниях революционной грозы, град-Китеж народной мечты, поднимается с волшебной-сказочным стилем своей архитектуры, с огнепламенной, вдохновенной живописью своей, — с поэтами и певцами былых времен, которые снова разсыпятся по всем дорогам родной страны нашей, по весям и городам ее, по площадям и перекресткам... и запойт старые песни, и расскажут старые былины о героическом прошлом, — и будут творить новое, небывалое-прекрасное, сказочно-чудесное искусство.

Разрыв исчезнет, края сомкнутся.

Полноводную, светлую рекой, отражающей весь мир и звезды вселенной, потечет русское народное творчество — на всем кровью завоеванном просторе. И то, что оно создаст, — его жемчужную Красоту, — принесет русский народ, как великий дар свой, в сокровищницу всечеловечества, в обетованную землю всемирного братства народов.

... Вперед-же, — к новым берегам, — к новому, пролетарскому народному творчеству...

С. Гусев-Оренбургский.

---xxxXXXx0xXXXxxx---

Г. создал

и создает новое русское
великое творчество

19
- Есть у нас в градской тюрьме арестант, так, не мудрящий с виду, худой да тщедушный паре нех, а смыслу в нем этого живописного просто на сто целковых. Положим, что недавно он и в тюрьме то у нас, не мог бы о нем знать. А я как хлопотал на счет иконки-то, кому-бы заказать, меня тюремный смотритель по знакомству и надумал...

- За что он сидит? - перебил доктор.

- Бог весть, я признаться и не поинтересовался этим.

- Какая жалость. Мне это напоминает один случай из давних лет.

- Расскажите, доктор, что за случай, - все по вернулись к нему, - расскажите.

- Да видите, - начал доктор, - это было года за три, за четыре до того, как меня перевели сюда. Я служил тогда в захолустной земской больнице, помещавшейся в бедном селе, а вернее в деревне. В то время я еще мечтал как-нибудь выбраться в Питер, поступить в академию художеств. Да вот видите. Теперь это только желтые листья воспоминания, а в то время я горел этой мечтой. И вот однажды иду я глухими переулком, как то вечером, слышу - ревет мальчуган не своим голосом. Смотрю: здоровенный детина из всей мочи за викри парнишку траплет. - "За что"? - спрашиваю. - "Да на заборах чертит, избой углем размазывает, а талерича на воротах чорта намаловал". Совсем, говорит, мальчишка от рук отбивается, и свиней не стережат. Заинтересовал меня этот чорт. Что, думаю, за чорт такой. - "Покажи-ка", - прошу. Повел меня детина во двор к задним воротам, посмотрел я. Чорт-то, вику, самый обыкновенный, и рога, и хвост, и ноги дугой, все как слвдует, как у заправского чорта полагается, - но рисунок, смотрю, необыкновенный. Линии, штрихи, черты, все так в пропорцию, так у места, что засмотрелся я на этого чорта. - "Любишь ты, - спрашиваю парнишку, рисовать-то"? А детина мне отвечает за него: - "помирает на этом паршивце, и свиней позабывает". Пристроил я после того парнишку в школу, сам научил его карандашом владеть. Умирает над бумагой, ночи готов не спать, бредит живописью. Уж картины копировать норовит. Неумело, конечно, выходит, смешно пожалуй, но рука видна, понимаете, рука художника, а главное - страсть видна, душа, талант. Да боже мой, мне он просто дорог был этот парнишка. Это был талант-самородок, господи, каких много киреет до времени, гибнет неизвестно где в нашей варварской среде.

Я надеялся вывести мальчика на дорогу, но случай разрушил мои планы. Пася свиней, он поджог нечаянно крестьянские стога и в том числе ометы волостного старшины. Крестьяне потолкавали между собой, да и хотели простить, но волостной не простил. Питая в сердце своем еще старую какую-то, родовую злобу к родным мальчуганам, он настоял, что бы волостной суд приговорил его к наказанию розгами. И суд приговорил. Я узнал об этом случайно и тотчас поскакал в волость, думая уговорить старшину отменить или изменить дикое наказание, но... старшина поторопился привести его в исполнение и я приехал как раз в тот самый момент, когда кончили безчеловечную экзекуцию. Не помню, уж что было со мной. Я наговорил дерзостей старшине, после чего у нас с ним даже суд был. Однако, пареньку это не помогло. Должно-быть самолюбие этой избранной природы было глубоко уязвлено, природа его была слишком чутка и нежна. Он исчез после наказания. Более двух недель о нем не было ни слуху ни духу. Родные сбились с ног, исходили все соседние уголки и роды, напрасно... Вдруг получаем известие, что изловили его где-то на границе губернии и препровождают по этапу в родную волость. Передал это известие наш лавочник, вернувшийся с ярмарки из соседнего города. Говорил лавочник, что сам видел парнишку. - "Дикарь, говорит, дикарем стал, совсем не узнаешь. Волченком смотрит из-под лобья. Спрашиваешь, не отвечает. Оборвался, совсем тело голое. Я, говорил лавочник, гривенник ему сунул, жалко уж очень стало, так он гривенник-то в траву бросил, не взял, сам зло так посмотрел и отвернулся". Немного спустя слышим: привезли мальчика в волость, в этапной он сидит. Услыхали про это родные, собрались было ехать на утро, хотел и я съездить - взять его под свое покровительство. Но в эту темную ночь, как сейчас помню, темную и душную, поднялось громадное зарево в стороне волости, - а на утро узнаем, что пол-волости сгорело. К обеду же все знали и причину пожара. Арестованный при волости мальчик сбежал вечером из этапного помещения и, пробравшись задворками к старшинской избе, поджег сарай. Пол-волости выгорело за вину старшины. Так отомстил за себя бедный парнишка, которого розга толкнула на дорогу к преступлению, вместо того светлого будущего, которое могло ожидать его. С этих пор он пропал безследно. Ни какие розыски не помогли: не нашли нигде его. Вскоре и я переведен был на другой конец уезда, так что судьба бедняги осталась для меня навсегда неизвестной. Жив-ли он, умер-ли? Часто он вспоминается мне, часто судьба его тревожит мою душу...

21
Доктор смолк и потупился.

8
- А как звали мальчика? - тихо спросил О. Яков среди общего молчания.

Доктор поднял голову.

- Михаил Вяхирев, - сказал он.

О. Яков молча встал, подошел к переднему углу, где на белой скатерти угольника стояла поднесенная икона, внимательно вгляделся в нее, как будто отыскивая на ней одному ему ведомые признаки и приметы. И приняв вдруг необычайный для него торжественный вид, направился с иконой к доктору.

- Читайте, - сказал он тихо.

Указал на мелкую, еле разборчивую подпись в углу задней стороны иконы.

Доктор, вспыхнув, поднялся со стула.

- Какая странная судьба, - сказал он дрожащим голосом, - эту икону писал... Михаил Вяхирев!

... Вечером того-же дня доктор отправился в тюрьму. В сырую темную приемную, еле освещаемую тускло-мерцавшей лампой, вышел и остановился перед доктором низкорослый, сутулый наглый человек в арестанском халате, смотревший из-под лобья подозрительным взглядом.

- Миша... Михаил... этот ты? - взволнованным полупопотом спросил доктор.

- Я, - получил он угрюмый ответ.

- Что ты сделал... за что сидишь?

Тот помолчал.

Молвил хмуро:

- Человека убил...

- За что?...

Арестант еще недоверчивее взглянул на доктора, потом вяло и неохотно ответил:

- Так... полоса нашла... по злобе.

Доктор стоял перед ним, опустив руки, бессильный, не находя слов, с острой болью в душе.

Так долго они молчали.

Потом пришел надзиратель и арестанта увели в сырую тьму тюрьмы...

С. Гусев-Оренбургский.

ИЗБРАННИК

Разсказ о пролетарском

поэте.

С пролетарским
поэтом Лалшиным
одну из пролетарских
смыслов, после которого
он утверждал
в мысли, что
поэт не
может жить

Рабочий подмосковного завода, Лалшин, с юных лет воспринимал мир по своему, по особенному. То, что для других было самыми обыкновенными, даже нудными вещами, для него жило таинственною и странною жизнью, оживало, говорило с ним. Машины в тусклом и душном нутре завода, с их проводами и маховыми колесами, с их жестким шипеньем и гулом, казались ему чудовищами, живыми и злыми, тысячелетними и железнозубыми. На веки плененные в каменном мешке завода, они днем и ночью копили в себе тупую гудящую злобу и часто, пользуясь малейшей оплошностью рабочего, с мутной радостью отгрызали ему палец, отрывали руку, раздавливали усталую от работы грудь своими бесноватыми поршнями. Раз они как-бы на век положили и на Лалшина клеймо своего владычества над ним, искалечив ему мизинец. Выростая, Лалшин научился понимать их стальной гудящий говор. И казалось ему временами, что они рассказывают ему удивительные сказки о тех таинственных недрах гор, откуда в сыром виде извлекали их люди, и о тех громадных каменных корпусах, где расплавив их до огненного кипенья придали им нужные для вечной работы формы. Мало по малу Лалшин стал находить, что у этих железных чудовищ и у него самого - общая судьба. Их приковали к заводу и заставили вечно работать, а его приковали к машинам и он тоже ~~днем~~ за днем крутится в неустанной работе, ~~как~~

Прикованы к ним и его товарищи по труду. Им некуда уйти от машин, они родились под гуденье их, они всю жизнь должны блуждать и крутиться среди их железных и стальных переходов, в жару и копоту их шипящего дыханья.

И мысль его томилась, искала выхода.

В словах горячих и гневных, жестких как железо и твердых как сталь, хотелось ему выразить свои мысли. Образы наполняли его мозг, жгли и томили его, гнали его от его изголовья, заставляли как лунатика блуждать среди машин, забыв о работе. В бессонные ночи, когда голова его пылала от игры образов, он подыскивал слова, что бы выразить кипение своего внутреннего мира. Но слов не было или были они такие обы

23
чные, скучные, безсильные, что хотелось плакать в тоске и отчаянии от их тягучего однообразия. Он понимал, что необразован и ничего не знает о мире, но за вод своими прокопчатыми стенами крепко закрывал от него мир, как бы удерживая его на дне темного колодца. Ночами, при свете огарка, на большом листе бумаги пытался он из каракуль, которым обучился в заводской школе, построить стройную и огненную речь о природе, томлящей в плену своего человека и о человеке, погибающем в этом плену. Неправильными косыми рядами ползли непослушные строки, а речь невольно принимала стихотворную форму. Казалось ему, что огонь его души должен бы прожечь и испепелить бумагу перед ним, — но когда принимался перечитывать, то с гневом и отчаянием рвал написанное.

Разбрасывал обрывки по полу.

Рыдал, уткнувшись головой в подушку.

Однажды за таким занятием застал его сосед по конуре литейщик Теплов, недавно поступивший на завод. Он осторожно приоткрыл дверь, увидел в свете огарка разбросанные по полу обрывки, тихо вошел и принялся подбирать их и рассматривать. Мало по малу лицо его стало принимать ласковое и светлое выражение. Он тихо коснулся плеча Лапшина. Лапшин удивленно приподнялся, увидев перед собою высокого и темного с лихорадочно блестящими глазами человека. Тот улыбаясь присел к нему на кровать.

— Пост.—сказал он.

Ласково провел по его плечу.

— Что, слов не найдешь.

Лапшин весь всколыхнулся.

— Не найду,—вскричал он в порыве молодой откровенности,—нет у меня слов, нет,—торопливо и с отчаянием говорил он,—у меня сердце горит и голову разламывает от дум, а слова все какие то не те... дурацкие слова какие-то с языка ползут, как черви.

— Так надо, дружок, крылья завести,—все посмеивался Теплов,—да взлететь над миром, да посмотреть: что это за механика такая мир-то. Вот тогда и слов много будет настоящих. У тебя душа жадная к миру, ты слова найдешь. Вот ты тут каждую машину знаешь, и завод, и трубу заводскую... а что выше трубы. Вот и не знаешь. Попы говорят: небо там, а на небе бог. А я тебе скажу: миры там бесконечные, безчисленные, горят как звезды, и на всех на них живые существа живут и борются за светлую жизнь.

— Друг,—так и рванулся к нему Лапшин,—откуда ты взялся. Я в машинной жизни задохнулся, а ты мне сразу... дорогу к звездам...

- Ты и взлети к звездам...и с них посмотри на земной мир. Ведь старый мир отжил свое, пришло людям время создавать новый мир, - а для этого надо хорошо знать устройство мира. Изучай его через опыт всех умных голов, которые его исследовали, а потом и сам исследуй жизнь. А тогда слова огненные польются сами из тебя как реки воды живой. Ведь ты...

Теплов любовно заглядывал ему в глаза.

- Поэт. А знаешь что такое поэт. Это пророк, который впитал в себя весь мир, переделал его по своему в горящем сердце своем и рассказал о нем людям словами огненными. Будь и ты таким. Ты сын народа, ты пролетарий. Впитай-же в себя всю скорбь народа своего и все тысячелетнее горе народов всего мира, ждущих великого освобождения в грядущем братском царстве свободного человека...

Страстно и горячо говорил Теплов.

Лапшин горел от его слов.

Но когда Теплов провел его к себе и со дна сундука, из под одежды, разсыпал перед ним целое богатство всевозможных книг, у Лапшина захватило дух. С этих пор началось для него какое-то волшебное-сказочное существование, непрерывный сон на яву. Днем он работал, механически двигаясь среди машин, полный смутных дум и переживаний, а ночи напролет просиживал над книгами. И из книг мир раскрывал перед ним свои золотые манящие объятия, вливал в душу его свою трагическую скорбь. И мятущиеся, скорбные мысли людей, - людей пророков и мечтателей, сталкивались перед ним в кипящем споре. А из спора их выпростала перед ним истина о мире, о судьбах земли и человечества, о вечной неправде и о грядущей великой победе над нею. Социальное зло вскрывалось перед ним и захватывало мечта о социальных переворотах, о бурях возстаний, о грядущем развитии человека, о победах его над коварною природой. Машина, томившая его своим владычеством над ним - теперь предстала перед ним в новом свете: как величайшее завоевание человеческого гения, как залог освобождения от каторжного животного труда, делавшего людей волками друг другу. Понял он, что лишь великий обман держал до сих пор человечество в рабстве и грязном невежестве и что лишь гнусная жажда наживы тех немногих, что захватили в свои руки орудия производства, мешают человечеству развиваться вширь и вглубь на путях к победному торжеству над природой. словно с далеких звезд, теперь милых ему своими именами, смотрел он на родную планету свою, на эту несчастную окровавленную Землю...и

25

знал, и понимал все извечное горе ея. И нарастало в нем желание бросить людям гневное и скорбное слово о том, что не так они живут, что губят они душу свою, и землю, прекрасное жилище свое, позорят червивым прозябанием на ней. Чувствовал он, как душа его растет и обнимает весь мир, сознавал себя избранником бедняков и обездоленных, ~~всех~~ пролетариев всего мира, прикованных к бездушным и злым машинам Капитала и страстно мечтал о том времени, когда машина станет добрым и верным слугой освобожденного Труда.

И вот...

...однажды, ночной порой...

Словно далекий и зовущий голос разбудил его.

Страстные зовущие слова говорил ему этот голос. Он впитывал их и боялся позабыть их. Он дрожащей рукой зажег огарок, бросился к столу, отыскал бумагу, карандаш...

И позабыл все на свете.

Вдохновение охватило его.

Нашлись слова, выражавшие мысли, бурно толпившиеся в голове его, в горящем мозгу, в пылающем сердце, в потрясенной страстным гневом, мировой скорбью душе. Складывались строки, бурно рифмованные, огненным ритмом текла стройная речь. Мир пылал в нем, мир перерождался, мир отрясал гнилую пыль веков и возрождался в дивном величии.

Утренний гудок прогудел.

Он не слышал его.

Не пошел на работу.

Запер дверь, никого не пускал к себе, жил стократную жизнь в своем творческом вдохновении, впервые так полно и властно охватившем его.

Так день прошел.

...в мираже, в забвении...

Едва напол время, что бы проглотить кусок хлеба.

Ночь наступила.

И уходила ночь, - темная и какая-то странно-молчаливая. Совсем и не заметил он, что завод как-то таинственно и сторожко молчит, нигде не горит огней, не мерцают горны, не звучат свистки, не слышно шуршащего шума ног бесчисленных рабов капитала, идущих на смены. Немая пугающая тишь обнимала завод впервые за долгие годы, впервые встал и жутко замер завод, оставились машины, потухли мутно-мерцающие глаза бесчисленных окон его. Лишь далеко за полночь, когда закрылись от усталости его слипавшиеся глаза, необычное ощущение тишины удивило и смутило его. Он чутко прислушался в смутной тревоге. Гудящий мир машин, застав

лявший трепетать и слегка вздрагивать все фабричные корпуса и постройки, словно умер или заснул тяжелым сном. Ощущение было такое необычное и даже жуткое, что Лапшину пришла страшная мысль: уж не оглох ли он.

Вскочил.

Подбежал к окну.

Тьма смотрела в лицо ему.

Тьма ноябрьской ночи.

Тишина, немая и мертвая, наливала на него из этой тьмы, давила его сознанием какого-то вопиющего в жизнь трагизма. Молчал завод, молчали неустанные машины.

Бросился из комнаты, к выходу, выбежал во двор.

Холодная тьма влилась в грудь.

Утихла волненье.

Пошел к заводу.

Заглянул в громадное, покрытое гарью окно: тяжелым мертвым взглядом, казалось ему, смотрели на него заснувшие машины и странной жутью вело на него от их загадочной неподвижности. Словно кто заворочил, замочек колдовал их волшебным словом. Но так и чудилось, что притворно их сонное молчанье и замшилось они там, во тьме, что-то недоброе.

Он смотрел с бьющимся сердцем.

- Что это значит.

За углом простучали звенящие шаги, тупо-тяжелые, с металлическим звяканьем. Он побежал на их звук, но вдруг вздрогнул от грубого окрика:

- Кто идет.

Разглядел серую шинель.

Голос грозил:

- Назад... стрелять буду.

Часовой у завода.

Молча повернулся, поспешно ушел к себе в комнату, собрал разбросанные по столу листы своей работы и в смутной, все растущей тревоге, не отдавая себе отчета, спрятал их за пазуху, под рубашку. Стал к окну, в тревоге прислушивался, стараясь понять: что случилось. Всмотривался в серый разсвет, еле намечавшийся. И вдруг вздрогнул и припал лицом к стеклу. В сером тумане всплыл и погас какой-то отчетливо-резкий звук, потом ряд этих звуков слился в жутком и злом треске, словно где-то падали и ломались сухие доски. С бледным лицом он прислушивался, - понял, что случилось что-то трагическое, роковое, непредвиденное.

- Стреляют, - прошептал он.

Молча, поспешно бросился из комнаты.

По темному коридору бежали к выходу рабочие,

27 на ходу одеваясь. Тревожно переговаривались.

- Войска... стреляют, - всплывали голоса.

Теплов махнул Ланкина.

- Ты слышал... стрельба.

- Что случилось? *спросил он его - и*

- Забастовка. Арестовали делегатов у директора. Где ты был. Вчера было ~~столпотворение~~: кочегаров сняли, печи потушили, остановили машины.

- Из-за чего.

Но Теплов не успел ответить.

Их развели.

В несколько минут двор переполнился серыми фигурами, сотни рабочих спешили из всех закоулков, выливались из дверей заводских жилых корпусов. Как бурное грозное море волновалась и кипела людская масса, взбрасывались руки, нарастал шум голосов и постепенно переходил в ураган криков, призывных или страстно гневных. Где-то с бочки волосатый и черный от копоти человек кричал, что убивают братьев-рабочих, - и людская масса стоном и воплем отзывалась на его слова. Вместе с какими-то возбужденными людьми, влившимися в толпу, которая как бы перекидывала их в себе с конца на конец, - пришла весть о том, что группа рабочих, живущих в заводской слободке, пришла к воротам и хотела проникнуть во двор, но сторожившая завод рота открыла по ним стрельбу без предупреждения.

- Убито... трое, - всплесками шла весть.

Бурлила и росла.

- Двенадцать ранено. Иван Клинков убит. Зворыкин ранен... в живот...

Бурный, скорбный стон потрясал толпу.

- Убивают... убивают нас...

Из многоликого нутра толпы словно пузыри вздувались - поднимались кричащие люди и вновь тонули в ней. Вновь кричали об убитых.

Призывали к мести.

И внезапно жуткая мертвая тишина враз охватила толпу. Послышались тупо-звенящие шаги и из-за угла серый взвод солдат вышел и грозным строем развернулся перед толпой.

- Разойтись. - приказал грубый голос.

И послышалась команда:

- На при-це-л...

Звякнули винтовки.

Холодные дула глянули в лица рабочих.

Те дрогнули.

С жутким вздохом подались назад.

- Разойтись.-еще раз угрожающе прозвучал голос.

Вот-вот, казалось, еще мгновение и толпа, толь-ко-что такая возбужденная, отхлынет к корпусам и испуганно вольется обратно в свои каменные коробки. Но в этот момент, плечами и локтями разбросав передние ряды, из толпы выбился Лалшин и стал лицом к солдатам. Лицо его пылало, глаза горели как звезды вдохновенным возбуждением.

- Товарищи.-крикнул он солдатам.

И голос его прокатился до дальних концов двора. И было в этом голосе что-то такое необычное, властное и твердое, что толпа колыхнулась и прилипла обратно.

- Товарищи.-еще раз крикнул Лалшин.

Но, казалось, не давались ему слова той речи, которая пылала в его сердце и просилась наружу. Внезапно он схватился за грудь, вытащил рукопись и, взмахнув в воздухе листами ее, принялся читать. И такою пламенностью призыва зазвучал его голос, так пророчески-вдохновенен был его вид, что замерла толпа, зачарованная страстными огненными словами его, а солдаты как-то дрогнули и местами опустили винтовки. Столь необычен и поразителен был вид человека, в подобную минуту, под грозящим залпом, читавшего свои пламенные стихи, что даже офицер, командовавший взводом, смотрел с удивлением и как бы на минуту растерялся.

- Разойтись!.-прозвучал еще раз его голос, но уже не так уверенно.

А Лалшин тоном пророка, страстно, зовуще, продолжал свою рифмованную речь - о счастливом веке Земли, когда сольются все народы в единое человеческое братство, во вселенский трудовой союз, когда машины станут добрыми друзьями Труда и навеки исчезнет с лица Земли вражда, и кровь никогда не будет больше литься.

... "Наши руки в мозолях,
Ибо мы побеждаем природу.
Мы владыки земли!
Сольемся же в братский союз,
Трудовой...

Вперед,-

К победам, к победам.

Офицер диким голосом проревел:

- Пли-и-и...

Но...

ЗАВЕРИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ

В данном деле пронумеровано 11 листов

(одинаковых)

08. 08. 90

Должность Арх. 1 кат.

Подпись Кем -